

ФАКТОР ВЛИЯНИЯ ГЕОПОЛИТИКИ ЮЖНОЙ АЗИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ШОС

Ермеков А.Б.

*Докторант Факультета международных отношений
КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

Деловарова Л.Ф., PhD

*Декан Факультета международных отношений
КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

Аннотация: Фактор Южной Азии в рамках эволюции ШОС приобретает большую значимость со временем. Если раньше ключевым географическим компонентом в рамках функционирования ШОС, выступала Центральная Азия, где и Россия, и Китай, обеспечивали существование рационального баланса сил, который создал соответствующую среду, для развития регионального сотрудничества. На данный момент, с конца 2000-х и с середины 2010-х гг., в рамках функционирования ШОС, идет усиление фактора Южной Азии, как одно из стержневых элементов, в контексте деятельности ШОС. Усиление китайско-индийского стратегического соперничества, дало новый импульс для организации, и открывает новые перспективы для ШОС, как важной региональной дипломатической платформы. ШОС, уже нельзя считать организацией, отвечающей за региональную безопасность, ее деятельность распространяется уже на два региона, создавая макрорегиональную архитектуру безопасности.

Ключевые слова: Южная Азия, Китай, безопасность, геополитика, секьюритизация

Введение

ШОС является одной из ведущих организации в Центральной Азии, и в общем в Евразии, которая поддерживает сохранение рационального баланса сил, а также поддерживает существование системы региональной безопасности. Первоначально ШОС задумывалась сторонами как механизм для решения территориальных проблем, которые остались в постсоветский период между Китаем и бывшими постсоветскими азиатскими республиками. В целом, эволюцию ШОС, можно рассматривать в четырех основных исторических периодах, при которых сформировалась данная организация:

Первый, это период легитимизации китайского присутствия в регионе. За период существования Советского Союза, Китай, как

геополитический актор был изолирован от участия в делах региона. Для Пекина возникла логическая и естественная необходимость легитимизировать свое участие в региональных делах. Учитывая то, что регион для Китая стал «чужим», то в данном отношении, для китайской дипломатии возникла необходимость в легитимизации своего геополитического присутствия, что выразилось в оформлении институционального подхода в лице Шанхайской Организации Сотрудничества. ШОС, первоначально, существовал в виде режима, для разрешения трансграничных проблем. Но, затем в конце 1990-х, Шанхайская пятерка, была преобразована в полноценную организацию, 15 июня 2001 г., а в 2002 г. была оформлена полноценная институциональная платформа организации.

Второй период существования ШОС, можно свести к первой половине 2000-х гг. На данном этапе, важную роль стали играть такие макрорегиональные нарративы как борьба с терроризмом и геополитическое доминирование США. В данном случае, в конце 1990-х гг., региональные аспекты безопасности, стали формироваться тенденцией укрепления террористических группировок. Помимо местных террористических организации, в лице ИДУ (Исламское движение Узбекистана), сыграл и фоновый фактор нестабильности на Кавказе, приход к власти в Афганистане движения Талибан и активность ИДВТ (Исламское Движение Восточного Туркестана) в СУАР КНР. В данном случае, это привело к тому, что, в рамках ШОС, сформировалась концепция «трех зол», борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Другой фактор, это региональная политика США. Администрация Клинтона в своей региональной политике, в большей степени опиралась на Россию, и была заинтересована в сохранности нормальных российско-американских отношений. Но, политика Республиканской администрации Буша-мл., обладало несколько иными стратегическими императивами. Помимо, глобальной цели, в виде борьбы с международным терроризмом, Вашингтон поставил целью обеспечение дальнейшей американской гегемонии, что выражалось в видении проекта «Американский век». Неоконсервативная администрация, поставила себе такие цели и задачи, как реализация таких геополитических проектов, как Большой Ближний Восток и Большая Центральная Азия.

Естественно, учитывая географическое расположение региона Центральной Азии, это не могло не затрагивать интересов России и Китая, при этом, учитывая параллельно фактор «цветных революций», которые также были активно поддерживаемыми США в тот период¹. Поэтому, на фоне данных геостратегических изменений, можно отметить, то, что второй период в истории ШОС, стал периодом баланса сил, где целью России и Китая было сдерживание локальных и глобальных деструктивных тенденций, в виде распространения терроризма и усиления американского влияния. Кульминацией, данной тенденции стало принятие декларации 5 июля 2005 г. с призывом к США, определить сроки вывода американских баз из Центральной Азии². Далее, региональная система в Центральной Азии, характеризуется относительной стабилизацией.

Третий период в истории ШОС, можно обозначить как период со второй половины 2000-х гг., и до предковидный период, т.е. это конец 2010-х гг. Хотя, рядом исследователей и принято определять данный период, как «темные века» ШОС, но тем не менее, в организации имели место быть ряд реальных изменений. Первое, это стремление Пекина к экономической реорганизации ШОС. В данном случае, китайская сторона предложила создать общий банк ШОС, откуда Китай смог бы кредитовать экономику стран-членов ШОС. Идея не нашла должной поддержки у Казахстана и России³. Но в целом, данный шаг Пекина нельзя считать исключительно провальным, потому что в дальнейшем это позволило Китаю, уже разработать соответствующий подход в региональных и глобальных делах⁴.

Второй и значимый период, хотя, даже можно утверждать, что в некоторой степени, данный период не находит должного понимания среди ученых-аналитиков. Это расширение ШОС. В 2015 г., две южноазиатские страны, Пакистан и Индия приобрели статус

¹ Стент, Анджела. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / Анджела Стент; пер. с англ. Елены Лалаян. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015., с. 136

² Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. с.180

³ Габуев, Александр. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов, 13.06.2017 // <https://carnegiemoscow.org/commentary/71212>

⁴ Сыроежкин, Константин. Сопряжение ЕАЭС и ИПП / https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2016_02/9Syroezhkin_Sopyazheniye.pdf

наблюдателей в рамках ШОС, а в 2017 г., они уже стали полноправными государствами-членами данной организации. Тем не менее, нужно учитывать, что эти процессы не произошли за короткий срок, и за ними стоит сложный геополитический процесс.

Во второй половине 2000-х гг., происходит усиление процесса секьюритизации между Китаем и Индией. Хотя, как отмечают Бузан и Вэйвэр, Южноазиатский кластер безопасности характеризуется центральным соперничеством в виде индо-пакистанского противостояния, то на данный момент уже китайско-индийское соперничество занимает центральное положение⁵. Усиление данных процессов началось в конце 2000-х гг., где ряд индийских экспертов указывают на развитие военной инфраструктуры в Тибете. Также немаловажную роль играет и процесс институционализации китайского влияния в регионе Индийского океана. В данном случае, Китай за период 1990-х и 2000-х гг., значительным образом нарастил свой политический, экономический и военный потенциал, что естественно не может не затрагивать индийские интересы.

Таким образом, в данном случае, мы можем видеть две позиции, в рамках эволюции ШОС. Первое, это ШОС в условиях режима, т.е. это период второй половины 1990-х и первой половины 2000-х гг. В данном случае, ШОС выполнял роль в качестве региональной платформы, которая обеспечивала «поддержку» существования рационального баланса сил и учет интересов Москвы и Пекина. Вторая модель ШОС, это период второй половины 2010-х гг., когда в организацию были приняты Индия и Пакистан. Принятие Индии и Пакистана (2017 г.), и далее Ирана (2023 г.), и Беларуси (2024 г.), отражают тенденций формирования многополярной системы международных отношений.

Стратегические предпосылки на современном этапе эволюции ШОС

В своем развитии, ШОС отходит от классической формулы, сохранности российско-китайского стратегического баланса в регионе. Нет, это совсем не означает, что данный механизм прекратит свое существование, но, он в большей степени уже дополняется новыми

⁵ Sahgal A (2012), China's Military Modernization: Responses from India, Strategic Asia 2012-13. China's Military Challenge, NBR, Washington D.C. p. 279

функциями и особенностями в рамках формируемого регионального порядка. Фактор влияния Южной Азии, в рамках ШОС, можно назвать макрорегиональным институтом, отвечающим за региональную безопасность.

В целом, необходимо отметить, что функционирование ШОС, или его географическое разделение в плане деятельности организации, можно разделить на два основных этапа:

Первый период функционирования ШОС, можно отнести к периоду, начала 2000-х и до второй половины 2010-х гг. В данном случае, основная геополитическая функция ШОС, сводилась к обеспечению российско-китайского стратегического баланса в Центральной Азии. Исторический, данный период характеризуется существованием относительно спокойной системы однополярного миропорядка, т.е. существование «однополярного момента», в 2000-х гг., и начала формирования многополярных тенденций, где ШОС сохраняло свою функциональность в виде обеспечения механизма региональной безопасности. Особенностью геополитики Центральной Азии, является то, что влияние сверхдержав представлено или находит свое продолжение в виде институциональной платформы. Российское и китайское влияние в регионе, продвигается посредством различных институтов, ЕАЭС и ОДКБ, и ИПП, и ШОС, соответственно.

Разумеется, функционирование организации, отображает тот геополитический и исторический подход, который сформировался в период ее деятельности. Это, можно наблюдать, по примеру функционирования и деятельности, таких организаций как НАТО и ОБСЕ. Пример данных организаций, необходим для того, чтобы понимать функционирование ШОС на современном этапе, и каким образом, данные изменения оказывают воздействие на функциональность и формат организации.

НАТО, в период холодной войны, в большей степени выполняло роль инструмента внешней политики США. В своей книге «План игры: Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР», Бжезинский указывает на то, что Западная Европа, выступает в качестве главного фронта советско-американского противостояния и соответственно роль НАТО в данном плане, сводится к военному

сдерживанию Советского Союза⁶. НАТО, за время своего существования, претерпела ряд важных стратегических изменений, и во время периода холодной войны, НАТО функционировало в рамках инструмента. Т.е. Альянс обладал рядом военно-стратегических доктрин, которые определяли политику организации, как и в плане конвенциональных вооружений, так и в плане ядерной стратегии. Но, с момента исчезновения основной угрозы, и трансформации глобальных паттернов безопасности, принимая во внимание смещение основного центра безопасности из Европы в Азию, то НАТО, перестала играть роль основного внешнеполитического и стратегического инструмента США.

В новых геополитических реалиях, НАТО преобразовалось из инструмента в институт. В данном случае, можно сослаться к теории гегемонистской стабильности Гилпина. Смысл теории гегемонистской стабильности заключается в том, что государство-гегемон создает вокруг себя режимы, и эти режимы способствуют сохранению должного миропорядка. Если в период холодной войны, существование НАТО выполняло роль баланса сил, для сдерживания Советского Союза, то сейчас, роль НАТО в большей степени сводится для поддержания внутри европейского порядка. Пик существования данного формата НАТО, пришелся на Лиссабонский саммит 2010 г., когда Барак Обама, на тот момент президент США, сделал ряд важных заявлений, в которых можно отметить то, что НАТО в определении основного спектра безопасности сделало приоритет на нетрадиционные аспекты безопасности⁷.

Другой, наиболее очевидный пример – это ОБСЕ. Организация первоначально создавалась в качестве режима, т.е. конференции для решения региональных проблем безопасности. Пик деятельности ОБСЕ пришелся на два исторических периода, первый, это начало функционирования организации, и второй, это окончание холодной войны. В данном случае, в середине 1970-х гг., это привело к стабилизации региональных отношений, между странами НАТО и ОВД, когда были взаимно признаны границы. Второй период, это окончание холодной войны, когда в рамках функционирования организации

⁶ Brezinski, Zbigniew. *Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest*. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986., p. 43

⁷ Hugo Meijer, Stephen G. Brooks. *Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for Its Security If the United States Pulls Back*, *International Security* (2021) 45 (4): 7–43.

возобладало человеческое измерение, а именно вопросы демократии и прав человека. Деятельность ОБСЕ, впоследствии, положило начало дальнейшему расширению НАТО и ЕС на восток.

Таким образом, мы видим, что функционирование организации, является естественной реакцией на те изменения, которые происходят в рамках тех или иных геополитических и исторических изменений.

В плане своей функциональности, основной географический спектр деятельности ШОС охватывает Центральную и Южную Азию. Основная деятельность ШОС, была преимущественно сосредоточена на Центральной Азии. Во-первых, в 1990-х гг., возникла нормальная кооперационная потребность, между будущими странами-членами для разрешения региональных проблем. Во-вторых, терроризм, стал новым паттерном безопасности, в рамках его регионального измерения. Это потребовало внести ряд изменений, в рамках деятельности ШОС, а именно в формулировке «трех зол». Далее, мы видим, что ШОС активно себя проявило в рамках функционирования баланса сил, для сдерживания США. И в целом, третий фактор, стратегическая ситуация во внутренней Евразии, со времен после распада СССР, существенным образом изменилась. Россия и Китай, более не воспринимали друг друга в качестве перманентных противников, и ШОС, помимо кооперационной базы, выполняет роль регионального механизма, который обеспечивает существование рационального баланса между сторонами, с учетом интересов Москвы и Пекина.

Но, тем не менее, как отмечалось выше, во второй половине 2000-х гг., в рамках внутренней безопасности континента, формируются новые паттерны безопасности. Мы наблюдаем усиление китайско-индийского стратегического соперничества. Если рассуждать в рамках концепций Хальфорда Маккиндера, географической оси истории, то основной географический спектр безопасности ШОС, приходится на Heartland, т.е. это Центральная Азия, а также Север Индии и Пакистан.

Для понимания нового этапа, в рамках секьюритизации ШОС, нам необходимо обратить внимание, на определение термина «внутренней континентальной безопасности». В географических рамках, «внутренний континент», можно отнести к территории Heartland'a. В политическом отношении, здесь, можно ссылаться на три основных евразийских

континентальных государств и регион: Китай, Индия, Россия и ЦА. Тем не менее, хотелось бы сделать пару замечаний, которые определили бы природу и структуру данных стратегических изменений. Китайско-российский спектр безопасности, в большей степени характеризуется в рамках безопасности таких регионов, как Центральная Азия, Дальний Восток и частично Восточная Азия. В Центральной Азии, российско-китайский спектр безопасности, определяется формированием рационального баланса сил. На Дальнем Востоке, российско-китайский спектр безопасности, в большей степени определяется динамикой экономического сотрудничества. Также, в некоторой степени, играет немаловажную роль и проблема синофобии, которая создает определенное искаженное восприятие в двухсторонних отношениях. И третье, это Восточная Азия, где силы и средства России и Китая, направлены против усиления американского влияния. Хотя, конечно, нельзя сравнить спектр влияния России и США в восточноазиатских странах, тем не менее, Китай и Россия балансируют против США.

Другой спектр безопасности, в рамках индийско-китайского стратегического взаимодействия, в основном связан с регионом Тибета. Спектр безопасности, в рамках отношений между Китаем и Индией, ориентируется преимущественно на три основных географических региона:

Первый включает в себя традиционный треугольник Пакистан-Индия-Китай. Данный треугольник нельзя оценивать в качестве постоянной геополитической константы, и необходимо отметить, что в зависимости от политических изменений, данный формат отношений также меняется. К примеру, после конфликта в Каргили, 1999 г., Китай не оказывал Пакистану полноценной поддержки. Но, как отмечает ряд экспертов, после запуска СРЕС, и усиления китайско-пакистанских экономических связей, происходит сближение между Исламабадом и Пекином⁸.

Второе, это спор вокруг Тибета, который стал одним из центральных элементов в дипломатии между двумя странами.

⁸ Andrew Small, *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics* (New York: Oxford University Press, 2015), 49

Третье, это усиление китайского влияния в регионе Индийского океана. В данном случае, можно говорить о том, что Китай занят институционализацией своего влияния в регионе. Проблема для индийской политики, заключается не только в том, что Китай ведет активную экономическую политику в данном регионе, но и в том, что формат институционализации влияния ограничивается не только экономическими аспектами. В данном случае, как показывает практика, институционализация отношений подразумевает с собой внедрение норм и правил, которые становятся определенным стандартом, т.е. институтов. Внешнеполитической особенностью правления Си, стало то, что экономическая политика КНР, стала определяться форматом институционального характера. Другой аспект, институционализации китайского влияния в регионе, выражается в усилении военных аспектов.

Китай, несмотря на интенсивный процесс модернизации НОАК, все еще не обладает полноценным потенциалом, для реализации стратегии sea control, способным только для реализации таких военно-стратегических концепций, как sea denial и MOOTW (Military Operations Other Than War)⁹. Тем не менее, потенциал военных аспектов в регионе Южной Азии или более широкого Индийского океана, также играет немаловажную роль в развитии и в эволюции ШОС, на ее современном этапе.

В рамках анализа эволюции ШОС, можно применить теорию секьюритизации или теорию комплекса региональной безопасности (ТКРБ), и через механизмы секьюритизации объяснить развитие основных геополитических процессов. С периода 1990-х гг. и до середины 2010-х гг., центральным элементом в рамках функционирования ШОС выступал центральноазиатский регион. Немаловажное влияние на функционирование организации, также оказала и смена полярностей. В данном случае, с точки зрения политического реализма, период 1990-х и 2000-х гг., можно описать как «однополярный момент». «Однополярный момент» характеризовался относительно спокойным периодом и отсутствием перманентного великодержавного противостояния. В данном случае, принимая во

⁹ Brewster, David. A Contest of Status and Legitimacy in the Indian Ocean. India and China at Sea. Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean. Oxford University Press (March 25, 2018), p. 14

внимание центральную роль США, то российско-американские и китайско-американские отношения носили стабильный характер.

Россия и Китай, не обладали необходимыми ресурсами и средствами для передела глобального миропорядка. Но, начиная с периода 2010-х гг., начинает формироваться многополярная система, т.е. с точки зрения политического реализма, Китай, Россия, Индия и ряд других государств среднего уровня, приобретают такой уровень материального потенциала, при котором они способны влиять на международную систему. И в этом контексте, происходит усиление влияния фактора Южной Азии на ШОС.

Хотя и период второй половины 2000-х гг., в рамках эволюции ШОС и принято обозначать как некие «темные века», но именно на данном историческом отрезке обозначились базовые аспекты секьюритизации, которые обозначили нынешний формат деятельности ШОС. В данном случае, можно различить два стратегических момента:

Первый, был обозначен еще Збигневом Бжезинским в его книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис». Как известно, международная система, с периода конца 2010-х гг., характеризуется нарастанием конфронтационных тенденций, великодержавного противостояния. Усиление тенденций китайско-американского стратегического соперничества, привело к усилению конфронтационных механизмов, а также моментов в современной международной системе. К примеру, можно привести пример того, что еще в период 2000-х гг., ни Россия, ни Китай не были готовы принять Иран, в состав ШОС, в качестве полноправного члена организации. Сейчас же, ситуация для Ирана сложилась вполне удачная, которая продвигает нарративы институционализации иранско-российских и иранско-китайских отношений.

Збигнев Бжезинский, в известном исследовании «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» следующим образом описывает формирование нового типа баланса сил: «Тем не менее появление на мировой арене Китая как экономического соперника Америки, Индии как регионального центра тяжести и богатой Японии как тихоокеанской союзницы Америки не только кардинальным образом изменило расстановку мировых сил, но и подчеркнуло их рассредоточение. Это

чревато серьезными последствиями. У азиатских держав в отличие от атлантических государств времен холодной войны нет (и не было) регионального союза. Они соперники, поэтому в некотором отношении напоминают европейские приатлантические страны эпохи колониального, а затем континентального соперничества за геополитическое превосходство, которое в конце концов вылилось в две кровопролитные мировые войны. Азиатское соперничество может создать угрозу региональной стабильности, особенно если принять во внимание огромное население азиатских стран и наличие у некоторых из них ядерного оружия»¹⁰. Также, Бжезинский неоднократно указывал на то, что роль США в азиатской геополитике в 21-ом столетии, будет в некоторой степени напоминать роль Великобритании в системе европейского концерта эпохи 19-го столетия, когда Великобритания не вмешивалась напрямую в дела Европы, но выступала в качестве балансира.

Бжезинский, также приписал данную роль США, в системе образующегося расклада баланса сил в Азии в 21-ом столетии¹¹. В данном случае, можно отметить, то, что ведущий американский советолог и бывший Советник по национальной безопасности, предвидел формирование нового баланса сил, который сформировал современный ландшафт системы безопасности в Азии. Очевидно, что перед формированием Индо-Тихоокеанского кластера безопасности, в Азии сложилась новая система баланса сил. К примеру, на самом деле идея о Индо-Тихоокеанском регионе имеет японские корни¹², а индийско-японское сближение началось раньше, чем активизация политики США по сдерживанию Китая, во время Трампа.

Второй это - эволюция ШОС, что стало логическим отражением данных процессов. И здесь, можно наблюдать усиление китайско-индийского стратегического соперничества, в качестве базового

¹⁰ Бжезинский, Збигнев. Выбор: Стратегический взгляд / Збигнев Бжезинский; [перевод с английского О. Колесникова, М. Десятовой]. – Москва: Издательство АСТ, 2023, с. 294

¹¹ Brezinski, Zbigniew. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power // https://www.youtube.com/watch?v=hZp7NSkHIDE&t=1s&ab_channel=CenterforStrategic%26InternationalStudies

¹² Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь РСМД № 49 /2019/ [И. А. Истомин; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – с. 14

механизма эволюции ШОС. В данном случае, необходимо подчеркнуть следующие изменения:

- Первоначальное функционирование ШОС, было ориентировано на обеспечение российско-китайского стратегического баланса;
- Военно-политический пик деятельности ШОС пришелся на середину 2000-х гг., направленный против американского гегемонизма;
- Российско-китайский тандем все еще остается стержневым механизмом ШОС, но с периода 2010-х гг., китайско-индийское стратегическое взаимодействие оказывает существенное воздействие на трансформацию организации;
- Геополитический центр смещается в Южную Азию, где традиционное индийско-пакистанское противостояние, смещается китайско-индийским соперничеством.

Китайско-индийское стратегическое противостояние ограничивается не только исключительно мерами военного плана, а именно территориальными спорами, но и вопросами в рамках глобального управления. К примеру, Индия намерена восстановить свой статус ведущей азиатской державы, что также выражается в желании стать постоянным членом Совета Безопасности ООН и заявлении о вступлении в Группу ядерных поставщиков. Обращение Индии к региональным организациям всегда было направлено на предотвращение попадания региона под влияние какой-либо одной крупной державы. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была институтом, выбранным Индией для ее политики «Смотри на Восток» и «Действуй на Востоке» с начала 1990-х годов, поскольку процесс принятия решений, основанный на консенсусе, в АСЕАН препятствовал гегемонистским устремлениям ¹³.

Соперничество между США и Китаем ослабляет некоторые основы внешней политики Индии и усложняет ее отношения с обеими странами. Автономия АСЕАН разрушается из-за глубокого и эффективного проникновения как в институты АСЕАН, так и в их государства-члены со стороны Китая, который вложил в эту организацию значительные

¹³ Frédéric Grare. Managing U.S.-China Rivalry: India's Non-escalatory Reinforcement. Strategic Asia 2020. u.s.-china Competition for Global Influence, National Bureau of Asian Research, Washington D.C. p. 109

финансовые ресурсы. Объем торговли Китай-АСЕАН, составлял в 2017 г. \$514,8 млрд; важность прямых инвестиций Китая в государства-члены¹⁴.

Другой важный и стратегический аспект, усиления китайско-индийского стратегического противостояния — это усиление Китая в регионе Индийского океана. Как отмечает исследователь Фредерик Грар: «индийские политики также пытаются ограничить влияние Китая в соседних с Индией странах, где Пекин все больше готов играть роль внешнего балансира против Нью-Дели. Отношения между Индией и ее меньшими соседями всегда были трудными. Поэтому Китаю легко сыграть на недовольстве небольших государств Южной Азии, которые боятся тени своего старшего индийского брата»¹⁵.

Основной особенностью региона Южной Азии, и более в широком понимании региона Индийского океана, стало то, что Китай сумел провести институционализацию своего влияния в регионе. Небольшие страны Южной Азии и Индийского океана все чаще балансируют между Индией и Китаем. Почти все соседние страны, включая Бангладеш, Мальдивы, Непал и Шри-Ланку, использовали свои расширенные отношения с Китаем, чтобы уменьшить влияние Индии. Эта тенденция вызвала чувство беспокойства в Нью-Дели. Региональной особенностью китайского политики, стало то, что Пекин с периода 1990-х и 2000-х гг., сумел провести институционализацию своего влияния. Малые государства региона являются основными получателями китайской военной техники. Здесь, видение модернизации, вооруженных сил, можно разделить на две составные части, которые образуют военную политику Пекина в регионе:

- Первый военный компонент, связан с классическим противостоянием в рамках треугольника Китай-Индия-Пакистан. Пакистан стал основным получателем технологий для создания ядерного оружия¹⁶. Это вписывается в логику регионального баланса сил. Но, тем не менее, китайская политика, также испытывала ряд эволюционных изменений в рамках китайско-пакистанских отношений, особенно в период Цзяня, что

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же

¹⁶ Andrew Small, *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics* (New York: Oxford University Press, 2015), 1.

привело к нормализации китайско-индийских отношений¹⁷, но, как отмечают в период Си-Моди, в середине 2010-х гг., произошло возвращение к конфронтационным отношениям. В любом случае, ядерное оружие остается существенным и важным компонентом, в рамках регионального баланса сил;

- Второй военный компонент, в большей степени связан с обеспечением безопасности Морских линий коммуникаций* (англ. *Sea Lines of Communications*), который теоретически, может осуществляться в рамках операции ВМФ НОАК МООТВ (*Military Operations Other Than War*). В данном случае, является примечательным утверждение о том, что Китай намерен модернизировать транспортно-логистические узлы в военное предназначение и это в будущем составит сеть военных баз КНР, утверждение, доминирующее среди западных экспертов¹⁸.

Поэтому, в данном случае, военную силу, можно оценивать как один из процессов институционализации китайского влияния. И в таком видении, военно-техническая поддержка со стороны Пекина будет оставаться существенным элементом, в рамках региональных отношений. Китай, например, сейчас является крупнейшим двусторонним торговым партнером Бангладеш. Он также укрепил военный потенциал Бангладеш и является основным поставщиком военной техники в страну, включая поставку двух подводных лодок класса «Минг» в 2014 г. и помощь в строительстве ракетной стартовой площадки возле Читтагонга в 2008 г.¹⁹.

Также, немаловажную роль в усилении китайско-индийского противостояния сыграл и фактор геоэкономики, а именно введение Пояса и Пути. Многие проекты, которые осуществляются в рамках Пояса и Пути, были еще запущены в период 2000-х гг., однако их «ребрендинг», в рамках ИПП, вызвал недоверие в Индии. Большую подозрительность Индии вызывает не сам факт экономического сотрудничества, а скорее

¹⁷ Andrew Small, *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics* (New York: Oxford University Press, 2015), 49

¹⁸ Brewster, David. *A Contest of Status and Legitimacy in the Indian Ocean. India and China at Sea. Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. Oxford University Press (March 25, 2018), p. 14

¹⁹ Asma Masood, "India-Bangladesh-China Relations: A Complex Triangle," *Chennai Centre for China*, March 2, 2015, <https://www.c3sindia.org/archives/india-bangladesh-china-relations-a-complex-triangle-by-asma-masood>.

институциональное оформление проекта, что воспринимается в Нью-Дели как «великая китайская стратегия»²⁰.

Здесь, можно рассмотреть особенности китайской внешней политики и проследить динамику развития китайско-индийских отношений. Система безопасности в Азии, характеризуется тем, что в ней отсутствует выработанный институциональный подход. К примеру, Европа пережила холодную войну, и в период советско-американского биполярного противостояния, выработались соответствующие паттерны безопасности, такие как ядерное оружие, ВГУ (взаимное гарантированное уничтожение), институты и нормы.

В Азии, холодная война не имела такого центрального значения, и поэтому в своей политике наций-государства, не были ограничены какими-либо жесткими институциональными ограничениями* (хотя геополитический кризис вокруг Украины, показал то, что в случае кризисных ситуаций, институты не играют столь существенной роли в разрешениях международных конфликтов). Поэтому, экономика в данном случае подчинялась логике политике. В данном случае, китайские проекты в период Цзяня-Ху, воспринимались на уровне, прежде всего экономических интересов, и более гибкая позиция Пекина по индо-пакистанскому конфликту способствовала сохранению поля для дипломатических маневров, но с запуска СРЕС, а также усиления ВСИМ, индийское видение китайских проектов, в большей степени стало склоняться к теме китайского институционального строительства.

С точки зрения геополитики, СРЕС охватывает регион Индийского океана, который призван укрепить транспортировку ресурсов из Африки и стран Ближнего Востока. Значительные китайские инвестиций в развитие сети транспортно-логистических сетей (через сеть железных дорог, автомагистралей, трубопроводов, портов и парков информационных технологий вдоль маршрута) в Пакистан, который призван соединить пакистанский порт Гвадар с СУАР. С позиции Индии, де-юре проект подвергается критике из-за спорных территорий в Гилгит-Балтистане, но опасения Индии выходят за рамки этого юридического спора. Несмотря на реальную напряженность между

²⁰ Frédéric Grare. Managing U.S.-China Rivalry: India's Non-escalatory Reinforcement. Strategic Asia 2020. u.s.-china
Competition for Global Influence, National Bureau of Asian Research, Washington D.C. p. 110

Китаем и Пакистаном по многим связанным вопросам, СРЕС олицетворяет углубляющиеся отношения между двумя странами. Для Индии, развитие СРЕС, как одного из элементов институционализации китайского влияния, также создает дилемму безопасности. Обеспечение сохранности транспортно-логистических путей в районе Индийского океана, создает проблему дилеммы безопасности в китайско-индийских отношениях²¹.

Таким образом, институционализация китайского влияния в обширном регионе Индийского океана, формирует дилемму безопасности для Индии. Как отмечает французский эксперт Фредерик Грар: «индийские политики также глубоко обеспокоены тем, что Китай может установить свое присутствие в Индийском океане, с помощью которого он сможет бросить вызов позициям Индии в регионе. Мало того, что китайские подводные лодки пришвартованы в Пакистане и Шри-Ланке, Китай также открыл свою первую зарубежную базу в Джибути в 2017 г. Этот аспект постепенно привлекает внимание Индии, поскольку Китай расширяет свое влияние во всем регионе Индийского океана, в частности в Восточной Африке, побережья, используя коридоры ИПП Север-Юг, такие как СРЕС и коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма»²².

В случае Индии, эксперты отмечают два перспективных варианта, в рамках которых Дели формирует свой внешнеполитический курс. Первый вариант, как отмечает Грар, существует в рамках стратегической не-эскалации. Китайско-индийское соперничество, это факт, но, тем не менее, стороны не ведут политику полноценной и тотальной эскалации. В данном случае, можно привести пример, когда Индия не согласилась с участием Австралии в участии в военно-морских учениях «Малабар». Но, с другой стороны, мы видим то, что Индия является активным участником QUAD, хотя и альянс, официально не позиционирует себя как антикитайскую организацию, но смысл его существования носит геополитический характер. В данном случае, возникает второй вариант, и Индия будет вынуждена отказаться от своей традиционной политики

²¹ Там же

²² Frédéric Grare. Managing U.S.-China Rivalry: India's Non-escalatory Reinforcement. Strategic Asia 2020. u.s.-china

Competition for Global Influence, National Bureau of Asian Research, Washington D.C. p. 111

неприсоединения, и поэтому это увеличит вероятность участия Индии в союзных отношениях с США, в рамках военно-политических союзов.

В целом, если оценивать в контексте идей эксперта Грара, в рамках китайско-индийского стратегического взаимодействия, то, можно отметить то, что Индия: а) стратегически, китайско-индийское соперничество, это факт, т.е. любые большие действия, в любом случае, будут происходить в рамках долгосрочных стратегических инициатив; б) тактически, нельзя исключать формирования нормального диспута или рационального баланса между сторонами²³. Также, другой особенностью Индии, стало то, что Дели умело балансирует между Москвой и Западом, что позволяет ей активно участвовать в Индо-Тихоокеанской стратегии США.

Воздействие биполярной системы на эволюцию ШОС

Саммит в Бали, прошедший в конце ноября 2022 г., укрепляет тенденций формирования биполярной модели международных отношений. Китайская стратегия будет формироваться в рамках данной доктрины, точнее биполярного видения мира. Политическое руководство КНР осознает, что идти на прямое лобовое столкновение с США весьма рискованно, и в целом применение средств военного характера, однозначно, не отвечает интересам Китая на долгосрочный период. В данном случае, ряд моментов, способствуют формированию биполярной системы:

Первое, это то, что основной спектр вопросов безопасности в Восточной Азии, вокруг Тайваня, Корейского полуострова, Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, характеризуется доминированием аспектов военного плана. Пример, российско-украинской войны, показал то, что применение военных средств Пекином по отношению к Тайваню, пока что в меньшей степени вероятны. И поэтому в данном случае, стоит отметить то, что китайская политика, а точнее процесс институционализации китайского влияния во внутренней Евразии весьма силен и успешен. Поэтому, евразийский и континентальный путь, это на данный момент, необходимое направление для усиления Китая. Что самое интересное, так это то, что ситуация с

²³ Frédéric Grare. Managing U.S.-China Rivalry: India's Non-escalatory Reinforcement. Strategic Asia 2020. u.s.-china Competition for Global Influence, National Bureau of Asian Research, Washington D.C. p. 112-113

Тайванем и потенциалом дестабилизации, напоминает кардинальные сдвиги во внешней политике КНР, после распада СССР, когда спектр безопасности Китая, значительным образом поменялся. Для китайской стратегии, возникает необходимость укрепления стратегического тыла во внутренней Евразии.

Второе, китайская стратегия базируется преимущественно на средствах геоэкономического характера. Для Китая, как новой сверхдержавы, перспектива биполярного порядка, предоставит широкие возможности для усиления институционализации своего влияния в Евразии. Если США согласятся на формирование биполярного мира, то тогда это будет означать своеобразную легитимизацию существования нового биполярного порядка. Принятие США формулы биполярного мира* (разумеется, биполярность в условиях глобализации, будет значительным образом отличаться от классической биполярности эпохи холодной войны), приведет к легитимизации китайского влияния, в рамках Пояса и Пути, т.е. в Евразии. Поэтому, современная эволюция ШОС, происходит на фоне формируемого биполярного мира, что также оказывает влияние на трансформацию организации.

Третье, если рассуждать в контексте формируемой биполярности, то развитие биполярной системы, может привести к трансформации ШОС. Для Китая, возникает вопрос и актуальность институционализации отношений с Россией. После крымского кризиса, ряд российских экспертов, стали обозначать стратегический сдвиг на Восток. Хотя, поворот на Восток, этот термин стал весьма востребован и получил свое применение администрацией Обамы, в 2012 г., «Pivot to Asia», как реакция США на естественную геополитическую эволюцию Азиатско-Тихоокеанского региона, но, тем не менее, в российской стратегической литературе, он также получил определенное распространение. Во-первых, главой РФ, Путиным, еще в 2015 г., была выдвинута идея «Большой Евразии». «Большая Евразия» подразумевает стратегическое партнерство России с азиатскими странами, и прежде всего с такими гигантами как Китай и Индия.

Но, тем не менее, ряд экспертов из постсоветских стран, придерживаются скептического мнения касательно китайско-российского стратегического партнерства, но, в тоже время, стоит отметить, что

данное видение относится к пред-ковидному периоду. Так, российский эксперт Александр Габуев, обозначил российскую политику поворота на Восток, как «разочарование»: «Ощущения российской элиты от поворота можно описать одним словом – разочарование. За исключением немногих людей реальных энтузиастов в отношении Китая как альтернативы Западу заметно поубавилось. Российские чиновники и бизнесмены обнаружили, что вести дела с китайцами сложно, быстрых результатов ждать не приходится, а менять сложившиеся деловые привычки ради дружбы с новым партнером не очень-то и хочется»²⁴.

Далее, автор подчеркивает то, что за 15 лет российско-китайских стратегических отношений, Китай и Азия, занимали промежуточное и нецентральное положение в российской внешней политике²⁵. В данном случае, стоит отметить, что несмотря на то, что российско-западные отношения испытывали временные спады и подъемы, а апелляция России к Китаю и азиатским структурам, в большей степени продиктованы конъюнктурными событиями, нежели чем обладают стратегической значимостью.

К примеру, в период 1990-х и в 2000-х гг., Россия и Запад проводили процесс институционализации своих отношений, через укрепление сотрудничества по линии России-НАТО, которое переживало процесс институционального оформления, особенно в 1997 г., подписание основополагающего акта отношений России-НАТО, и создание Совета Россия-НАТО в Риме в 2002 г. Затем, стоит отметить, что в период правления Буша-мл., начала формироваться стратегическая автономия Европы. Несмотря на то, что в период 1990-х гг., приходится усиление евроатлантических структур и расширение НАТО и ЕС на Восток, тем не менее, Европа, в лице франко-германского ядра, расширяет свою автономию от американской гегемонии. Американская гегемония в данном случае, выступает как наднациональный конструкт, но она способствует сохранению принятия важных решений на национальном уровне. Институционализация отношений России с Западом, выступало по следующим параметрам:

²⁴ Габуев, Александр. Младший брат или старшая сестра? Китаист Александр Габуев о том, что Россия слишком заиклена на своем статусе в переговорах с Китаем // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/28/647005-mladshii-brat>

²⁵ Там же

- В 1990-х гг., происходил процесс институционализации в области военных и военно-политических отношений;
- В 2000-х гг., фактор энергетической безопасности стал одним из преобладающим элементов в российско-европейских отношениях;

Даже, крымский кризис и кризис на Донбассе 2014 г., не пошатнул фундаментальных основ, российско-западных отношений. Поэтому, российская апелляция к Азии, в виде таких доктрин как «Большая Евразия» и т.д. не обладают под собой явной стратегической основой, т.к. не смотря на антизападную риторику современного евразийства, российско-западные отношения, носили более институционализированный характер. Но, ситуация значительным образом изменилась после 2022 г., и теперь идей вышеприведенной «Большой Евразии», и уже реальной геополитической ориентации на Восток, смогут стать действительно реализуемыми. Как и на геополитическом уровне, открывает дорогу и для Китая, и для Индии, а также открывает перспективы для большей институционализации ШОС.

В данном случае, исходя из вышеотмеченной концепции «биполярности», то, можно предположить, что Китай намерен перенаправить свой фокус внимания с Индо-Тихоокеанского региона, на Евразию и большая война в Индо-Тихоокеанском регионе, не отвечает реальным интересам Пекина. Поэтому, во-первых, для Китая важно доктринально оформить концепцию биполярности; во-вторых, Евразия становится приоритетным объектом китайского институционального строительства.

Формат ШОС в новых геополитических реалиях

Естественно, ШОС, отвечает тем политическим процессам, которые происходят на евразийском геополитическом пространстве. В данном случае, особенность ШОС заключается в том, что организация выступает в качестве дипломатической платформы, которая отвечает на данные геополитические изменения. В этом плане, эволюцию ШОС можно проследить в следующих отношениях:

- первое, ШОС как дипломатическая платформа;
- второе, ШОС как платформа для подхода решения многих проблем;

- третье, ШОС как институциональный механизм для продвижения китайских проектов в рамках ИПП, или без него.

Особенность второй перспективы ШОС, заключается в том, что решение многих проблем, создает чрезмерную бюрократизацию в рамках ШОС. К примеру, в одно время ШОС выступала как платформа для решения многих задач, связанных с торгово-экономическими вопросами, между странами-членами организации, особенно в 2000-х гг.²⁶. Затем, стороны в рамках ШОС пытались решить вопросы таможенного сотрудничества. Очевидно, можно предположить, что ШОС может стать вполне удобной платформой для реализации проектов геоэкономического плана, но принимая во внимание членство Индии в ШОС, и усиление китайско-индийского соперничества, то это навряд ли сможет привести к тому, что ШОС сумеет стать китайским аналогом ЕАЭС. Поэтому, остается вариант дипломатической платформы. Проблему ШОС, можно выразить в следующем выражении: «обо всем и ни о чем одновременно».

В дипломатическом отношении, интересно видение иранской стороны, так советник верховного лидера Исламской Республики Иран генерал-майор Рахим Сафави призвал государства Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) заключить пакт о ненападении: «Я предлагаю, чтобы общая безопасность и устойчивый мир были реализованы в первую очередь среди стран-членов Шанхайского соглашения. Образцом для этого может стать организация сотрудничества и заключение пакта о ненападении»²⁷. Также по сообщению агентства «Мехр», генерал-майор Яхья Рахим Сафави, помощник и старший советник Верховного главнокомандующего, во время своей поездки в Китай и в ходе консультаций с официальными лицами этой страны заявил следующее: «Китай и Иран должны прийти к общему пониманию относительно угроз и общих интересов». На встрече с заместителем начальника штаба китайской армии генералом Цзин

²⁶ Liu Junmei and Zheng Min, "Financial Cooperation among SCO Member States: Review and Prospects from China's Perspective," in *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*, ed. Michael Fredholm (United Kingdom: NIAS Press, 2013), 266, 273.

²⁷ МИР В Иране предложили странам ШОС заключить пакт о ненападении. Советник верховного лидера Ирана Сафави: ШОС нужно заключить пакт о ненападении // <https://iz.ru/1599433/2023-11-02/v-irane-predlozhili-stranam-shos-zakliuchit-pakt-o-nenapadenii>

Цзяньшэнем он заявил: «Вооруженные силы Китая и Ирана должны достичь общего понимания всех видов угроз и общих интересов»²⁸.

В условиях новой геополитической турбулентности, возникают перспективы формирования институтов, или тех механизмов, которые способны их разрешить. В данном случае, можно отметить, о том, что предложение Ирана может привести к новым тенденциям в формировании современной модели ШОС, хотя в меньшей степени вероятности. Пакт о ненападении в рамках ШОС представляется интересной, но маловероятной затеей для реализации. Для этого существуют ряд важных предпосылок. ШОС выступает в качестве дипломатической платформы.

В большей степени ШОС, как диалоговая площадка, отображает те тенденции, которые имеют место быть в рамках геополитики внутренней Евразии. В данном случае, можно проследить некоторую эволюцию ШОС. Первоначально, ШОС действовала в качестве регионального режима, затем организация отобразила тенденции, в рамках реакции на терроризм и баланс сил. С периода второй половины 2000-х гг. и по сей день, в рамках ШОС доминируют тенденции, касательно усиления китайско-индийского стратегического соперничества. Это только способствует усилению потенциала ШОС, как диалоговой площадки.

С другой стороны, ШОС вполне обладает перспективами экономической, а если быть точнее, то геоэкономической институционализации. ЕАЭС выполняет геоэкономические функции, где функционирование экономики, в некоторой степени осуществляется в рамках российского гегемонистского порядка. Китай, также может продвинуть данный формат отношений, но, возможно в Пекине осознают, что это сможет привести к опасению в странах-членах ШОС, особенно в Центральной Азии, в Индии с таким предложением, также не будут согласны.

Заключение пакта о ненападении, также маловероятно и в контексте традиционного индо-пакистанского противостояния, а также в рамках треугольника Индия-Пакистан-Китай. Пакт о ненападении, в большей степени является продуктом эпохи классического баланса сил, когда военная сила, как международный механизм, определяла

²⁸ Заключить пакт о ненападении предложил Иран странам ШОС // <https://www.zakon.kz/mir/6412604-zaklyuchit-pakt-o-nenapadenii-predlozhit-iran-stranam-shos.html>

глобальный миропорядок. Сейчас же ситуация значительным образом изменилась в силу воздействия глобализации. Принятие пакта и его юридическое исполнение, также означало бы и формирование жесткого режима статуса-кво в Южной Азии, в контексте треугольника Исламабад-Дели-Пекин. Это, можно представить в виде формирования континентального альянса, где Дели и Пекин были бы союзниками, что вполне отвечает логике геополитики, но в тоже время противоречит логике баланса сил политического реализма.

Поэтому, идея принятия пакта о ненападении интересна, но она не может отобразить реальные тенденций внутри ШОС. В ШОС входят преимущественно страны с прокитайской ориентацией (Россия, Казахстан, Таджикистан, Иран, Пакистан). Китайское влияние среди них, в той или иной степени институционализировано. В России и в Казахстане, это формат стратегического партнерства, с Россией также действует баланс сил, направленный против США. В случае, Таджикистана – это фактор торгово-экономических отношений, в случае Пакистана – это высокий уровень институционализации, баланс против Индии, и участие в геоэкономических проектах. Единственная страна-участник ШОС с антикитайской направленностью – это Индия, из-за территориальных споров и динамики соперничества между двумя азиатскими гигантами. Членство Индии в ШОС тормозит потенциал формирования общего военного союза, в частности образования некоего военного альянса, а также в плане формирования ШОС, как геоэкономического китайского аналога ЕАЭС. Индия и так не принимает участие в работе Пояса и Пути из-за вопроса Кашмира, и тем более в формировании общего рынка с Китаем.

Таким образом, ШОС все еще остается диалоговой площадкой стратегического значения. Значимость ШОС в том, что она отображает те стратегические перемены, которые имеют место быть в Евразии. В плане формирования как института безопасности, если у ШОС и существуют перспективы, то, скорее всего они больше будут похожи на формат СБСЕ/ОБСЕ, где фактор нации-государств, в любом случае носит преобладающий характер. Поэтому, ШОС будет сохранять формат диалоговой площадки. На это еще указывает и то, что стороны выдвигают множество инициатив, но при этом значительная часть из них не находит своей реализации. Проблема коллективных институтов

безопасности заключается в том, что они конъюнктурны, к примеру, есть ли проблема для Китая в том, что, если Иран окажется под ударом, у США такие механизмы выработаны в отношении с союзниками, у Китая нет. Поэтому, слова главы военного ведомства Ирана, в большей степени отображают желание, но не саму реальность.

Вывод

Можно отметить, то, что влияние Южной Азии на эволюцию ШОС усилилось с периода второй половины 2000-х гг. С 2015 г., с момента получения статуса наблюдателя и полноправного членства Индии и Пакистана в ШОС, фактор Южной Азии в рамках функционирования ШОС, становится ключевым элементом. Особенностью периода 2000-х гг., стало усиление процесса секьюритизации в рамках китайско-индийских отношениях, учитывая фактор влияния китайских SLOC в обширном регионе Индийского океана. Второй этап в усилении секьюритизации в рамках китайско-индийского соперничества, происходит уже с момента запуска СРЕС, и усиления институционализации китайского влияния в регионе Южной Азии, во всех значимых аспектах, военном, экономическом, дипломатическом и т.д. Функций механизма российско-китайского стратегического баланса в Центральной Азии, все еще сохраняются, но, общий и актуальный центр тяжести в большей степени смещается в сторону Южной Азии, где два основных паттерна безопасности: традиционное индо-пакистанское противостояние дополняется китайско-индийским стратегическим соперничеством, в рамках Индо-Тихоокеанского региона. Поэтому, фактор влияния Южной Азии, стал значимым в рамках функционирования ШОС.

Немаловажную роль сыграло усиление российско-западного стратегического конфликта, вокруг Украины в 2022 г., и усиление тенденций формирования биполярной модели международных отношений. После начала войны в 2022 г., происходит быстрая деградация системы европейской безопасности, которая в отличие от ситуации 2014 г., носила реальный и стратегический характер. Это, в свою очередь, привнесло тенденций «азиатизации» в российскую внешнюю политику. Для Китая и Индии, это открыло окно

стратегических возможностей, что также может иметь отражение в рамках функционирования ШОС. Для Китая, в данном случае, перспективы выражаются в рамках укрепления российско-китайского баланса сил, против Соединенных Штатов, и в рамках усиления своего институционального влияния в Евразии. Перспективы для Индии, в большей степени, заключаются в организации баланса против Китая, что как отмечают эксперты, происходит вполне удачно, а именно индийская политика балансирования.

Поэтому, Южная Азия как геополитический кластер безопасности, становится одним из значимых элементов в современных международных отношениях. И возможно именно такое обстоятельство будет указывать на существенный потенциал ШОС в процессах институционализации системы безопасности в Азии.

Библиография

1. Стент, Анджела. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / Анджела Стент; пер. с англ. Елены Лалаян. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
2. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009.
3. Brezinski, Zbigniew. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press.
4. Andrew Small, The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics (New York: Oxford University Press, 2015)
5. Brewster, David. A Contest of Status and Legitimacy in the Indian Ocean. India and China at Sea. Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean. Oxford University Press (March 25, 2018).
6. Бжезинский, Збигнев. Выбор; Стратегический взгляд / Збигнев Бжезинский; [перевод с английского О. Колесникова, М. Десятовой]. – Москва: Издательство АСТ, 2023.
7. Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь РСМД № 49 /2019/ [И. А. Истомин; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019.
8. Edited by Tellis A., Tanner T., and Keough J. (2011) Strategic Asia 2011-2012. Asia responds to its rising powers. China and India. The National Bureau of Asian Research, Seattle, WA, and Washington, D.C.
9. Edited by Tellis A., and Tanner T., Strategic Asia 2012–13. China's military challenge. The National Bureau of Asian Research, Seattle, WA, and Washington, D.C.